

Синтаксические и стилистические функции лексического повтора в современной прозе

Галина Евгеньевна Щербань

Кабардино-Балкарский государственный университет, Россия
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
доктор филологических наук, профессор
E-mail: scherban@rambler.ru

Аннотация. В статье проанализированы контактные, дистантные и смежные типы лексических повторов как средств синтаксической и семантической связности в современной художественной прозе.

Ключевые слова: лексический повтор; когезия; связность; дейксис; актуализирующая проза.

Введение. Интерес современных синтаксистов к художественному тексту все более возрастает, поскольку на современном этапе происходят интересные изменения в прозе, что, в первую очередь, связано с развитием аналитического, расчлененного синтаксиса. Конструкции, отмеченные синтаксической расчлененностью, фрагментарностью, в современной синтаксической науке принято называть экспрессивными синтаксическими конструкциями. К ним относят парцелляцию, различные виды сегментации (в частности, именная, вопросно-ответная сегментация авторского монолога, цепочки номинативных предложений), различные типы вставных конструкций. Одной из расчлененных конструкций экспрессивного синтаксиса является лексический повтор.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили произведения Б. Акунина, Т. Толстой, Т. Устиновой, Э. Тополя. Использовались методы компонентного анализа, контекстный, стилистический, описательный, метод наблюдения над фактами.

Обсуждение. Исследование лексического повтора с точки зрения его роли в тексте показало, что он является необходимым условием существования любого текста. Особое внимание в лингвистических исследованиях уделяется текстообразующей функции лексического повтора (Г.Я. Солганик, Т.И. Сильман, Р. Барт, А.Е. Супрун, И.Р. Гальперин, Г.Е. Щербань и др.).

Осуществляя связь на межфразовом или текстовом уровне, лексический повтор часто носит обязательный характер, может влиять на эмоционально-экспрессивный фон повествования, но основной его функцией остается связующая. Интересно, что в современной актуализирующей прозе повтор может выполнять и функцию сегментации текстовых фрагментов, отражая общую тенденцию к аналитизму в современном синтаксисе.

При исследовании синтаксических функций лексического повтора мы опираемся на труды И.Р. Гальперина [1] и др. авторов, которые рассматривают лексический повтор как средство когезии (от лат. *cohaesi* – быть связанным). Этот термин впервые был предложен В. Дресслером и в настоящее время активно эксплуатируется в трудах по лингвистике текста.

В современной прозе превалируют три типа повторов: контактный, смежный и дистантный. Например, смежный, когда повторяющиеся компоненты синтаксически разорваны словоформой, либо повторяемый компонент получает минимальное синтаксическое распространение: «*Отец погиб, а она бежала с ним болотами, проридралась через леса, пробиралась, просила кипятку на станциях, выла. Поезд, взрыв, рельсы винтом, шапкой по лицу, черной шапкой, чтоб отшибло память*» (Т. Толстая. На золотом крыльце сидели...); контактный: «... *Пацаны рассказывали, что у настоящих деловых, кто по законам живет, майка «колодой» называется, и в каждой колоде свой кумплект. Кумплект – это восемь фартовых, каждый при своем положении...*» (Б. Акунин. Любовник смерти).

Дистантный повтор как средство текстовой когезии предполагает большой разрыв между повторяющимися лексемами и сегментами: «*Она вышла из подъезда и некоторое время стояла, не в силах сообразить, что должна сейчас делать. Кажется, сесть в машину и поехать к Лидочке, но где ее машина? И как на ней ехать? И где живет Лидочка?<...> Да, да, это самое лучшее, что можно сделать, – немедленно поехать к Лидочке!*» (Т. Устинова. Отель последней надежды). Такую когезию можно назвать слабой, поскольку она не усилена дополнительными средствами связи, как-то: частицами, союзами и союзными словами, анафорическими и дейктическими элементами текста, как, например: «*Мой выстрел должен был предупредить революцию! Мерзавец! Нет, больше он с этой сволотой церемониться не будет – сначала они гробили его реформы, а теперь подняли руку и на него самого!..*

Тем временем Розов, пользуясь паузой, демонстрировал верноподданический раж:

– Дискредитировать вас? Такими словами?! И вообще!.. Мало того, что этот мерзавец в вас стрелял, мы еще дадим ему газетную трибуну?!?!.. » (Э. Тополь. Завтра в России). Здесь когезия

усиливается за счет того, что повторяемая лексема попадает в сферу действия указательного местоимения **этот**, которое эксплицирует и интенсифицирует анафорическую отсылку к антецеденту.

Главной особенностью этих видов когезии является то, что при контактной когезии акцентируется внимание читателя на повторяемой словоформе, и это придает экспрессивность всему текстовому фрагменту. Кроме того, контактные повторы определенным образом работают на коммуникативную перспективу текстового фрагмента, способствуя продвижению темо-рематической цепочки: в одних случаях повтор формирует двуремные построения, как в «...*Поезд, взрыв, рельсы винтом, шапкой по лицу, черной шапкой, чтоб отшибло память*». При этом вторая рема черной **шапкой** получает синтаксическое распространение в виде определения черной с семантикой уточнения, конкретизации. В случаях, не отмеченных синтаксическим распространением, повторяемый компонент является ремой левого контактного высказывания, а повтор – темой последующего высказывания: «...в каждой колоде свой **кумплект**. **Кумплект** – это восемь фартовых, каждый при своем положении...». Одним из сильных средств, формирующих многоремные построения в современной актуализирующей прозе, являются пропозициональные частицы *даже, только, лишь* и др. [2–4].

При дистантном повторе автор как бы «перебрасывает крючок когезии» (И.Р. Гальперин) через текстовое пространство, фокусируя внимание читателя на определенном предмете, явлении, событии и т.п.

В современной художественной прозе наблюдаются повторы различной структуры: повторяются словоформы, словосочетания, предикативные единицы, которые, зачастую подвергаясь многократному повтору, становятся микротемой текстового фрагмента различной протяженности. Например: «(...) – Великая Америка – это великие ценности. – Я как раз охраняю одну из таких **великих американских ценностей**, – пробормотал Дэн Уолш. – Президента. И моя работа не имеет никакого отношения ни к Саддаму, ни к сербам!... – В число **великих американских ценностей**, – продолжала жена, дучевскими жестами обрубая каждое слово, – входит не только верность долгу, дорогой! <... > Теперь придется долго и мучительно привыкать к тому, что я один и за спиной у меня пустота, а не одна из «**великих американских ценностей**», называемая семьей» (Т. Устинова. Отель последней надежды). Такие повторы не только являются сильным средством когезии, но и приравниваются часто к стилистическим фигурам выразительности речи, способствующим кольцевому продвижению повествования вперед, и обладают большой воздействующей силой.

Интересно, что в современной, особенно женской, прозе превалирует дистантный тип лексического повтора. Так, в произведениях Т. Толстой и Т. Устиновой прослеживается определенная закономерность в эксплуатации повторяющихся компонентов текста. Повторяющиеся слова, фразы, предикативные единицы становятся ключевыми элементами текстового пространства, вокруг которых развивается повествование, монологи героев или авторские рассуждения. Подобные кольцевые повторы фиксируют внимание читателя, помогают ему удерживать смысловую и логическую канву повествования.

Иногда в функции повторяемых компонентов при осуществлении дистантной когезии выступают фразеологические единицы, что способствует еще большему нарастанию экспрессии включающего их текстового фрагмента. Например: «Он же твердо усвоил урок – **чужая душа потемки** и лезть туда с фонарем опасно для жизни, ибо чудовища, притаившиеся во мраке, пожрут!» <...>

Чужая душа потемки. Чужие мысли – хаос» (Т. Толстая. Отель последней надежды).

Часто повтор становится лейтмотивом повествования: «**Нет, не тебя! Так пылко! Я! Люблю!** – подсказывая, потрескивая и шипя, быстро вертелось под иглой Веры Васильевны <...> от маленького, оставшегося на берегу Симеонова, задравшего лысеющую, босую голову к гигантски выросшему, сияющему, затмевающему полнеба, исходящему в победоносном кличе голосу, – **нет, не его так пылко я любила** Вера Васильевна, а все-таки, в сущности, только его одного, и это у них взаимно...

Вера Васильевна, может быть, в Париже или Шанхае, и какой дождь – голубой парижский или желтый китайский – моросит над вашей могилой, и чья земля студит ваши белые кости? **Нет, не тебя так пылко я люблю!**» (Т. Толстая. Река Оккервиль).

Шляпа пляшет по голове, выбирая удобный склон, елозит, не зная где остановиться, словно бы предчувствуя, что еще немного – и она слетит, покатится колесом в чуланы, старые чемоданы, помойки. Перед тем как расстаться с хозяйкой, **шляпа** распрямляется с глубоким вздохом, хорошеет перед смертью...

Шляпа умерла, да здравствует **шляпа!**» (Т. Толстая. День).

Художник знает, что дух веет, где хочет и как хочет, знает, что сам-то он, **художник**, в своей земной жизни ничем не заслужил того, чтобы дух выбрал именно его, а если это случилось, то надо радостно возблагодарить за чудо.

Художник «послеквадратной» эпохи, художник, помолвившийся на квадрат, заглянувший в черную дыру и не отшатнувшийся в ужасе, не верит музам и ангелам (Там же).

Как видно из приведенных контекстов, лейтмотивные повторы либо сами интертекстуальны, либо помещены в интертекстуальный контекст: это и языковая игра с одноименным стихотворением М.Ю. Лермонтова «Нет, не тебя так пылко я люблю», и аллюзии на всем известное «Король умер, да здравствует король!», и черный квадрат Малевича.

Результаты и выводы. Основная синтаксическая функция лексического повтора – связующая. Кроме того, осуществляя такие типы когезии, как контактная, смежная и дистантная, повтор в современной художественной прозе становится красивой синтаксической фигурой выразительности речи, средством ритмизации, поскольку рифмует включающий его прозаический отрезок, включает подтекст, декодирование которого уводит читателя в эмотивное восприятие всего текстового фрагмента. Это переводит рассуждение в сферу риторики художественного текста, а также лингвориторических аспектов литературно-художественной коммуникации, стратегии и тактики литературной личности продуцента в эмоционально-нравственном воздействии на реципиента (см. в связи с этим работы: [5–8]).

Примечания:

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2004.
2. Щербань Г.Е. Частицы в конструкциях экспрессивного синтаксиса. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2002. 205 с.
3. Щербань Г.Е. Частица «даже» как средство организации экспрессивного повтора // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып. XIII. Владикавказ, 2011. С. 306-309.
4. Щербань Г.Е. Коммуникативные функции частиц в вопросно-ответной сегментации авторского монолога // Русский язык: взгляд из-за рубежа: Сб. ст. М.: Старая площадь, 2009. С. 96-108.
5. Ворожбитова А.А. Алгоритмы и перспективы лингвориторического исследования аксиологической прагматики в динамике дискурсивных процессов // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 1 (23). С. 177- 181.
6. Ворожбитова А.А., Киреева Т.В. Языковая и литературная личность в лингвориторической парадигме: аспект дискурсивных стратегий // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2011. № 4 (18). С. 162-165.
7. Ворожбитова А.А., Мишина М.М. Типологические характеристики верлибра как актуального лингвориторического компонента дискурсивных процессов социокультурно-образовательного пространства // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 2 (25). С. 174-178.
8. Ворожбитова А.А., Ромашенкова Е.С. Типология метапоэтического дискурса: лингвориторический подход // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2011. № 4 (18). С. 166-169.

UDC 81

Syntactic and Stylistic Functions of Reiteration in Modern Prose

Galina E. Shcherban

Kabardino-Balkarian State University, Russia
173 Chernyshevskogo Str., Nalchik 360004
Doctor of Philology, Professor
E-mail: scherban@rambler.ru

Abstract. The paper analyzes contact, distant and adjacent types of reiteration as a means of syntactic and semantic coherence in modern narrative literature.

Keywords: reiteration; cohesion; coherence; deixis; actualizing prose.